

Мелоди Лейн

ТЫ МОЯ ПО ПРАВУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ,
НО ТВОЕ СЕРДЦЕ - КРЕПОСТЬ,
КОТОРУЮ Я ЕЩЕ НЕ ВЗЯЛ

ПЛЕННИЦА
Читтора

Мелоди Лейн

Пленница Читтора

<https://litres.ru/74042434>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда стены ее родного города пали под натиском безжалостного завоевателя, юная принцесса Лилавати потеряла всё: семью, свободу, будущее. Теперь она лишь трофей в руках короля Варунимхи, правителя Читтора, чье имя внушает трепет врагам. Он - властный воин с глазами цвета ночи, привыкший брать то, что желает. Она - цветок, выросший в садах любви, чей дух не сломить ни золотой клеткой, ни угрозами. В его дворце, полном интриг и шепота, Лилавати становится пешкой в чужой игре. Но Варунимха не учел одного: даже в плену ее гордость остается неприступной крепостью. Он завоевал ее землю, но сможет ли он покорить ее сердце, пылающее ненавистью? Между ними - пропасть из пепла и крови, но искра, зажегшаяся при первой встрече, грозит разгореться в пламя, способное испепелить их обоих или подарить величайшую любовь, о которой слагают легенды.

Содержание

Глава 1. Запах пепла и сандала. Варунимха	4
Глава 2. Память о пламени. Лилавати	13
Глава 3. Право завоевателя. Варунимха	20
Глава 4. Холод серебра на коже. Лилавати	27
Глава 5. Воля короля. Варунимха	32
Глава 6. Трапеза с врагом. Лилавати	39
Глава 7. Красота скорби. Варунимха	45
Глава 8. Яд в медовых речах. Лилавати	50
Глава 9. Новая тактика. Варунимха	56
Глава 10. Шаги в тишине. Лилавати	62
Глава 11. Луна над Читтором. Варунимха	67
Глава 12. Дар из прошлого. Лилавати	71
Глава 13. Танец семи покрывал. Варунимха	76
Глава 14. Танец для врага. Лилавати	81
Глава 15. Отвергнутая фаворитка. Варунимха	86
Глава 16. Первая ночь. Лилавати	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Пленница Читтора

Глава 1. Запах пепла и сандала. Варунимха

Воздух был густым и неподвижным, пропитанным запахами, которые отныне навсегда будут связаны в моей памяти с Читтором. Запах горячего камня, остывающего под первыми лучами закатного солнца. Запах пролитой крови, уже начавшей впитываться в иссушенную землю внутреннего двора. И над всем этим - тонкий, почти призрачный аромат сандала и горелой ткани, доносившийся со стороны башен, где женщины этой проклятой и великой крепости предпочли пламя позору. Эхо джаухара. Оно висело в воздухе незримым саваном, более гнетущим, чем крики умирающих.

Я стоял на верхней площадке башни Виджай Стамбх, башни победы, и смотрел на свои новые владения. Мои воины, уставшие, но опьяненные триумфом, уже расставляли посты, их голоса разносились по дворам, нарушая торжественную тишину, воцарившуюся после падения города. Читтор пал. Непрístupная крепость Мевара, о которую разбилась не одна армия, теперь лежала у моих ног. Я, Варунимха, завоевал ее.

Победа имела горький привкус. Я привык брать то, что желаю. Города, земли, сокровища. Женщин. Но женщины Читтора обманули меня. Они ускользнули, оставив после себя лишь пепел и легенду о своей нестигаемой чести. Я уважал этот поступок, как воин уважает доблесть врага, но как мужчина и царь - я был в ярости. Они лишили меня главной части трофеев, символа полного подчинения.

Мой военачальник Джайсингх поднялся по ступеням, его тяжелая поступь была единственным звуком, нарушающим мои размышления. Он остановился в паре шагов, ожидая, когда я заговорю.

- Махараджа, - его голос был хриплым от пыли и криков.
- Мы обыскали дворец. Казна полна. Оружейные тоже. Но...

- Но покои пусты, - закончил я за него, не оборачиваясь.
Я знал. Я чувствовал это пустоту. - Все ушли в огонь?

- Почти все, повелитель. Слуги клянутся, что все женщины царской крови последовали за махарани.

Я сжал кулаки. Мои пальцы впились в кожаные перчатки. Я пришел сюда не только за камнями и золотом. Я пришел за главной жемчужиной Мевара. Молва о красоте принцес-

сы Лилавати летела впереди армий, ее описывали как лунолицую богиню, чей взгляд мог заставить цвести пустыню. Я хотел увидеть эту красоту. Хотел владеть ею.

- Почти? - я медленно повернулся, и Джайсингх невольно отступил на шаг под моим взглядом. Мои глаза, как говорили враги, были цвета безлунной ночи, и в них сейчас не было ничего, кроме холодного огня. - Что значит "почти"?

- Мы нашли ее, повелитель. Принцессу Лилавати. Она не пошла в огонь.

Внутри меня что-то дрогнуло. Смесь триумфа и удивления. Она ослушалась традиции? Или не успела?

- Где она?

- В малом храме Шивы, у северной стены дворца. Она там одна. Ни слуг, ни охраны. Просто сидит перед мурти божества.

Я кивнул, снимая с головы шлем. Длинные черные волосы, заплетенные в сложную косу с вплетенными золотыми кольцами, упали на спину. Отстегнув пояс с мечом, я передал его Джайсингху. Я пойду к ней не как воин к пленнице, а как царь к своему новому достоянию.

- Никто не должен входить в храм, пока я не выйду, - приказал я, и мой голос прозвучал твердо, не терпя возражений.

Путь через дворцовые анфилады был странным. Роскошные залы, где еще утром звучала музыка и смех, теперь были пустынями и гулки. На полу валялись разбросанные подушки, опрокинутые сосуды, лепестки цветов, втоптаные в ковры. Воздух здесь был другим - пахло жасмином, маслами и страхом.

Двери храма были приоткрыты. Я вошел беззвучно, как тигр, ступая по прохладным каменным плитам. Внутри царил полумрак, рассеиваемый лишь светом нескольких масляных ламп у алтаря. Их пламя отбрасывало трепещущие тени на резные стены, изображавшие танец Шивы. И там, на мраморных ступенях перед статуей, сидела она.

Она не обернулась на мои шаги, словно весь мир за пределами этого маленького святилища перестал для нее существовать. На ней было простое сари темно-фиолетового цвета, его тонкая золотая кайма тускло поблескивала в свете лампад. Длинные, волнистые волосы цвета темного шоколада были распущены и падали на спину и плечи, в них не было ни жемчуга, ни цветов - лишь скорбь и простота.

Я остановился в нескольких шагах, разглядывая ее. Она была изящна, как молодой побег лотоса. Даже со спины в ее осанке чувствовалась не рабская покорность, а царственное достоинство. Она не молилась. Она просто сидела в оглушающей тишине, прямая и неподвижная.

- Принцесса Лилавати, - мой голос прозвучал в храмовой тишине как удар грома.

Она вздрогнула, но не испуганно. Это было движение человека, которого вырвали из глубоких раздумий. Медленно, с той грацией, что не отнять ни войной, ни пленом, она повернула голову и посмотрела на меня.

И в этот миг я понял, почему поэты слагали о ней песни.

Ее кожа была светлой, медового оттенка, на фоне которой глаза казались огромными. Миндалевидные, цвета лесного ореха, они смотрели на меня без страха. В их глубине я не увидел ни слез, ни мольбы о пощаде. Только холодную, как сталь лучшего клинка, ненависть и безграничную гордость. Ее лицо было воплощением чистоты и невинности, но взгляд принадлежал воину, проигравшему битву, но не войну.

Я подошел ближе, возвышаясь над ней. Моя тень от лампад накрыла ее хрупкую фигуру.

- Твой город пал. Твоя семья мертва. Твои женщины предпочли смерть. Почему ты здесь?

Она молчала, продолжая смотреть на меня снизу вверх. Ее подбородок был упрямо вздернут.

- Я задал тебе вопрос, принцесса.

- Я не обязана отвечать завоевателю, - ее голос был тихим, но чистым и звонким, как колокольчик. Каждое слово было наполнено презрением.

Внутри меня вскипела ярость, смешанная с восхищением. Какая дерзость! Другие женщины падали бы мне в ноги, умоляя о милости. Эта же, потеряв все, смотрела на меня как на равного.

- Теперь ты обязана мне всем, - я наклонился, упираясь рукой в ступень рядом с ней, оказываясь с ней лицом к лицу. Я уловил тонкий аромат лотоса, исходивший от ее кожи. - Твоей жизнью. Твоим телом. Твоим будущим. Все это теперь принадлежит мне.

- Можете забрать мою жизнь, - ответила она, не моргнув. - Но все остальное вам не покорится. Моя душа принадлежит

только мне и богам.

Я усмехнулся. Этот цветок был с шипами. Тем интереснее.

- Твоя душа меня не интересует. Пока. Ты моя по праву завоевателя, но твое сердце - крепость, которую я еще не взял. И я люблю брать неприступные крепости.

Я протянул руку и коснулся пряди ее волос. Они были мягкими, как тончайший шелк. Она отшатнулась, как от прикосновения змеи, и в ее глазах на миг вспыхнул огонь. Настоящий, живой огонь, а не тот, что поглотил ее родных.

- Не смейте касаться меня!

- Я буду касаться тебя, когда пожелаю, - отрезал я, выпрямляясь. - Я сделаю с тобой все, что пожелаю. Ты будешь жить в моем дворце. Ты будешь носить одежды, которые я выберу. Ты будешь есть с моего стола. И однажды ты придешь в мою постель. Это не просьба. Это твоя новая судьба.

Она медленно поднялась на ноги, теперь ее глаза были на уровне моей груди. Она была ниже меня на целую голову, хрупкая и беззащитная, но в ней ощущалась сила, способная противостоять армиям.

- Вы можете запереть меня в золотой клетке, махараджа Варунимха, - она произнесла мое имя так, словно это было проклятие. - Вы можете силой взять мое тело. Но вы никогда не получите моего согласия. Каждый ваш приказ будет для меня пыткой. Каждое ваше прикосновение - осквернением. Вы будете править моим днем, но в своих снах я всегда буду свободна. И в них я буду видеть, как ваш Читтор горит так же, как горел мой.

Ее слова ударили сильнее, чем любой клинок. В них не было страха, только вызов. Вызов, который я не мог не принять.

Я смотрел на нее долго, изучая каждую черту ее прекрасного, полного ненависти лица. Я завоевал ее землю. Я получил ее как трофей. Но она была права. Настоящая война - война за ее душу, за ее волю - только начиналась.

- Встань, - приказал я стражникам, появившимся в дверях по моему знаку. - Отведите принцессу в покои малой царицы. Приставьте к ней служанок. Пусть ее оденут в шелка и накормят. Она - моя гостья.

Я намеренно не назвал ее пленницей. Пусть это слово пока останется между нами.

Стражники шагнули к ней, но она опередила их, сделав шаг сама. Проходя мимо меня, она не опустила взгляда. Этот ореховый, пылающий ненавистью взгляд был последним, что я увидел, прежде чем она скрылась в темнеющем коридоре.

Я остался в храме один. Эхо джаухара стихло, сменившись эхом ее голоса. Я подошел к серебряному блюду у алтаря, взял горсть лепестков гибискуса. Они были прохладными и нежными в моей огрубевшей от рукояти меча ладони.

Я завоевал Читтор. Но эта непокорная девчонка с глазами воина стала моим новым полем битвы. И я знал, что эта битва будет самой долгой и, возможно, самой сладкой в моей жизни.

Глава 2. Память о пламени. Лилавати

Каждый шаг по коридорам моего родного дворца был пыткой. Каменные плиты под ногами, которые я знала с детства, казались чужими и холодными. Воздух, некогда наполненный ароматами цветов из дворцовых садов и смехом моих фрейлин, теперь был спертым, пах потом чужих воинов и застарелой кровью. Они шли впереди и позади меня - двое грузных солдат в кожаных доспехах, чьи лица были непроницаемы, как стены этой крепости. Я не смотрела на них. Я смотрела прямо перед собой, на спину впереди идущего, но видела не его, а руины своей жизни.

Внутри меня все онемело. Горе было так велико, что превратилось в звенящую пустоту, ледяную пустыню, где не осталось места слезам. Я должна была быть с ними. С матушкой, с сестрами, с другими женщинами нашего рода. Я должна была шагнуть в очищающее пламя джаухара, сохранив честь и избавившись от мук. Но я замешкалась в храме. Я молилась не о спасении, а о том, чтобы души моих родных обрели покой. И в этой молитве меня нашел он. Завоеватель. Король Варунимха.

Его лицо стояло у меня перед глазами. Властное, высеченное из темного камня. И глаза... глаза цвета безлунной ночи, в которых не было ни капли жалости. Только голодный огонь собственника, разглядывающего свой самый ценный трофей. Его слова, брошенные с ледяным спокойствием, до сих пор звучали в ушах: "Ты моя по праву завоевателя".

Стражники остановились перед знакомой дверью, украшенной тонкой резьбой в виде лотосов. Покои малой царицы. Покои второй жены моего отца. Он поселил меня сюда. Не в главные апартаменты, не в гостевые. Он сразу обозначил мое место. Место будущей наложницы. Оскорбление было тонким, как острие кинжала, и вонзилось глубоко.

Один из солдат толкнул дверь. Я вошла внутрь, и они остались за порогом, с глухим стуком закрыв створки. Я осталась одна.

Комната была прекрасна. Свежие цветы в серебряных вазах, тончайшие муслиновые занавеси на окнах, пропускающие багряный свет заката, низкий столик с фруктами и кувшином щербета. На широком ложе лежало покрывало из лазурного шелка. Все здесь кричало о роскоши и заботе. Все было ложью. Я подошла к окну. Оно выходило во внутренний сад, но на изящную резную решетку были добавлены новые, грубые железные прутья. Золотая клетка. Он не солгал.

Дверь в смежную комнату тихо отворилась, и вошли три женщины. Я узнала их. Это были служанки из нашего дворца. Старшую из них, Парвати, с добрыми, но теперь испуганными глазами, я знала всю жизнь. Она опустилась на колени, не смея поднять на меня взгляд. Две другие последовали ее примеру.

- Принцесса... - прошептала она, и ее голос дрогнул.

- Встань, Парвати, - мой голос прозвучал ровно, хотя внутри все сжималось от боли при виде их унижения. Они встали. - Вы теперь служите ему?

- Нам приказали служить вам, госпожа, - тихо ответила она. - Махараджа Варунимха велел приготовить для вас омовение и сменить одежду.

Его имя. Из уст моих людей оно звучало как яд.

- Я не нуждаюсь ни в омовении, ни в новой одежде. Оставьте меня.

- Госпожа, умоляю вас, - Парвати сделала шаг вперед, ее руки были сложены в мольбе. - Не гневите его. Он... он жесток с теми, кто ему перечит. Мы видели. Вы должны быть

сильной. Вы должны жить. Ради памяти о махарадже. Ради всех нас.

Ее слова были полны мудрости и страха. Она была права. Моя смерть сейчас ничего не изменит. Мое неповиновение в малом лишь ускорит мою гибель или навлечет беду на тех немногих моих людей, что остались в живых. Я - последняя принцесса Мевара. И мой долг перед мертвыми - жить. Жить и помнить. Быть живым укором для моего захватчика.

Я медленно кивнула.

- Хорошо, Парвати. Я сделаю, как он велел.

Облегчение на их лицах было почти осязаемым. Они провели меня в купальню, отделанную розовым мрамором. Вода в бассейне была теплой, настоящей на лепестках роз. Пока я погружалась в нее, смывая с себя пыль прошедшего дня - дня, что вместил в себя целую вечность, - служанки молчали. Их тишина была красноречивее любых слов сочувствия. Они все понимали.

Когда я вышла, на ложе были разложены новые одежды. Сари из тончайшего зеленого шелка, расшитое золотыми нитями, и прозрачная накидка в тон. Рядом лежали украшения: золотые браслеты, серьги с изумрудами, ожерелье. Это было

облачение для праздника, а не для скорби. Еще одно унижение. Еще одно напоминание о том, что моя воля больше ничего не значит.

- Я не надену это, - твердо сказала я.

- Но, госпожа, это приказ...

- Принесите мне самое простое сари, какое у вас есть. Белое или серое. Без украшений.

Девушки испуганно переглянулись.

- Он разгневается, - прошептала одна из них.

- Пусть. Гнев - это все, что он от меня получит, - я посмотрела на Парвати. - Сделай, как я прошу. Скажете, что я все еще в трауре по своей семье. Даже самый безжалостный тиран должен уважать этот обычай.

Парвати на мгновение замерла, а затем в ее глазах мелькнуло уважение. Она поклонилась и вышла. Через некоторое время она вернулась с простым сари из неотбеленного хлопка. Я молча оделась. В этом простом наряде, с влажными распущенными волосами, я чувствовала себя больше принцессой, чем в тех шелках, что приготовил для меня мой враг.

Это был мой первый тихий бунт. Моя маленькая победа.

Когда служанки принесли ужин - серебряный поднос, уставленный изысканными блюдами, - я притронулась лишь к чаше с водой и лепешке. Я должна есть, чтобы жить. Но я не доставлю ему удовольствия, наслаждаясь его едой.

Оставшись наконец одна, я села у зарешеченного окна. Ночь опустилась на Читтор. Мой Читтор. В саду пели цикады, как пели всегда. Луна освещала верхушки кипарисов. Мир казался таким же, как и вчера, но это была иллюзия. Все изменилось.

Я не плакала. Слезы были бы роскошью. Вместо них внутри разгоралась холодная, тихая ярость. Он думает, что сломил меня, поселив в этой клетке. Он думает, что тело, облаченное в шелка и вскормленное его пищей, покорится ему. Он ошибается. Он завоевал камни этой крепости, но он никогда не завоюет ее душу. Пока я жива, дух Мевара будет жить во мне.

Я прижалась лбом к холодным прутьям решетки. Я не знаю, что ждет меня завтра. Боль, унижение, насилие. Но я знаю одно: я не сдамся. Я буду цветком, что растет на руинах. Я буду его вечным напоминанием о том, что есть вещи, которые нельзя завоевать мечом. И однажды, клянусь тенью-

МИ МОИХ ПРЕДКОВ, ОН ПОЖАЛЕЕТ О ТОМ ДНЕ, КОГДА ОСТАВИЛ МЕНЯ
В ЖИВЫХ.

Глава 3. Право завоевателя. Варунимха

Я стоял на балконе царских покоев, тех самых, где еще вчера спал правитель Мевара. Ночь была прохладной, а воздух - чистым. Дым пожарищ рассеялся, и над Читтором раскинулось бездонное небо, усыпанное бриллиантами звезд. Внизу раскинулся мой город. Мой. Я повторял это слово, пробуя его на вкус. Оно было сладким, как финики, и пьянящим, как старое вино. Но полной услады не было. Мои мысли снова и снова возвращались в полумрак маленького храма, к девичьей фигуре в простом фиолетовом сари.

Ее взгляд. В нем не было ничего, кроме льда и огня. Я видел страх в глазах сотен воинов перед смертью, видел мольбу в глазах царей, предлагавших мне выкуп. Но в ее глазах я не увидел ничего из этого. Только гордость, которую не сломить, и ненависть, чистую и незамутненную, как горный ручей. И это будоражило кровь сильнее, чем любая битва.

- Повелитель.

Голос Джайсингха вырвал меня из раздумий. Мой верный военачальник вошел на балкон, его лицо, обветренное и по-

крытое шрамами, было серьезно, как всегда.

- Говори, - я не обернулся, продолжая смотреть на спящий город.

- Посты расставлены. Город под полным контролем. Наши лекари помогают раненым горожанам, как вы и приказали. Но... есть ропот среди воинов.

Я медленно повернулся.

- Ропот? После такой победы? - Они говорят о принцессе, - Джайсингх понизил голос. - О том, что вы оставили ее в живых и поселили во дворце с почестями. Они считают ее символом непокоренного Мевара. Некоторые боятся, что она станет знаменем для восстания. Другие... другие просто хотели бы получить свою долю добычи.

Я усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

- Мои воины получили золото, оружие и славу. А эта принцесса - моя доля. И только я решаю, что с ней делать. Передай им: кто еще раз усомнится в моих решениях, будет кормить стервятников на стенах этой крепости. Я понятно выразился?

- Более чем, повелитель, - Джайсингх склонил голову. Он знал мой гнев. - Но, быть может, в их словах есть доля правды? Оставить ее здесь, среди ее народа... это рискованно.

- Риск - это приправа к жизни, мой друг, - я подошел к столику, налил в серебряный кубок вина. - Я не собираюсь ее убивать. Мертвая она станет мученицей, легендой. Живая... живая она станет моей. Она будет ходить по этим залам как напоминание всем раджпутам о том, кто здесь хозяин.

Я сделал глоток. Вино было терпким, с нотками меда.

- И что вы намерены делать с ней, махараджа? - осторожно спросил Джайсингх.

- Я намерен ее укротить. Не сломать. Именно укротить. Я хочу, чтобы однажды она посмотрела на меня без ненависти. Я хочу, чтобы она сама пришла в мою постель, а не была приведена туда силой.

Джайсингх посмотрел на меня с нескрываемым удивлением. Он привык к моей прямолинейности и решительности.

- Это может занять вечность, повелитель. Женщины раджпутов упрямы, как скалы, на которых стоит эта крепость.

- У меня есть время, - я поставил кубок. - Я построил для

нее золотую клетку. Теперь я буду медленно приручать птицу, что в ней сидит.

Когда военачальник ушел, я подозвал начальника моей личной стражи.

- Что доложили служанки, приставленные к принцессе?

- Она приняла омовение, повелитель, - отчеканил стражник. - Но отказалась надевать шелка, что вы для нее приготовили. Потребовала простое траурное одеяние. Из еды притронулась только к воде и лепешке. Большую часть времени сидит у окна и молчит.

Я слушал, и странное чувство, похожее на удовлетворение, наполнило меня. Она не сдастся. Она борется. Каждое ее действие - это вызов. Она отвергла мою роскошь, мою пищу. Она пытается сохранить свою чистоту, свою идентичность в мире, который я у нее отнял.

Глупая девочка. Она думает, что это ее сила. Но это лишь делает ее более желанной в моих глазах.

Я прошел по своим новым покоям. Все здесь было чужим: резьба на мебели, узоры на коврах, даже запах в воздухе. Я сел на край огромного ложа, которое еще недавно принадле-

жало ее отцу. Я представил ее здесь, рядом со мной. Ее медовую кожу на фоне темных покрывал, ее волосы цвета шоколада, разметавшиеся по подушкам. И ее глаза, смотрящие на меня с чем? С покорностью? Нет. Этого было бы слишком мало. С желанием. Вот чего я хотел добиться.

Я не пойду к ней сегодня. И завтра тоже. Сила - это не только умение брать, но и умение ждать. Я позволю ей привыкнуть к стенам ее клетки. Я дам ей время осознать всю глубину ее положения. Пусть ее горе немного утихнет, уступив место страху и одиночеству.

- Позовите ко мне главного ювелира, - приказал я стражнику у двери.

Через некоторое время в покои ввели испуганного пожилого мастера, который упал ниц при виде меня.

- Встань, - я подошел к нему. - Ты служил прежнему правителю?

- Да, великий махараджа, - пролепетал он, не смея поднять глаз.

- Ты делал украшения для принцессы Лилавати?

- Да, повелитель. С самого ее детства.

- Тогда ты знаешь, что она любит. Я хочу, чтобы ты сделал для нее ножной браслет. Пайял. Из чистого серебра. Тонкий, изящный, но прочный. С маленькими колокольчиками, чей звон будет слышен, только если прислушаться.

Ювелир удивленно поднял на меня взгляд. Ножной браслет - это не просто украшение. Это символ. Символ принадлежности.

- И вот еще что, - добавил я, глядя ему прямо в глаза. - Застежка на нем должна быть такой, чтобы снять его могла не она, а только я.

Мастер побледнел, но тут же все понял.

- Будет исполнено, повелитель. К рассвету все будет готово.

Я отпустил его.

Этот браслет станет моим первым даром. Моим первым касанием. Она будет носить его, и каждый ее шаг будет напоминать ей обо мне. Каждый тихий звон колокольчиков будет моим голосом, шепчущим ей, что она принадлежит мне.

Я снова вышел на балкон. Луна уже высоко поднялась над крепостью. Где-то там, в одном из окон, сейчас сидит она. Моя непокорная пленница. Моя неприступная крепость.

Осада началась. И я был готов вести ее столько, сколько потребуется.

Глава 4. Холод серебра на коже. Лилавати

Я не спала всю ночь. Сон бежал от меня, как испуганная лань. Я сидела у окна, вглядываясь в очертания родных башен, теперь отмеченных чужими знаменами, и пыталась унять дрожь в теле. Это была не дрожь страха. Это была дрожь от ледяного холода, что поселился в моей душе вместо выгоревшего горя. Горе было теплым, живым. Этот холод был мертвым.

Утро пришло безрадостным, серым. Солнце, казалось, боялось заглядывать в мой разоренный дом. Вместе с первыми лучами в мои покои бесшумно вошла Парвати. Ее лицо было бледнее обычного, а в руках она держала небольшую бархатную подушечку.

- Госпожа... - начала она почти шепотом, словно боялась, что нас подслушивают стены. - Это... от махараджи.

На подушечке, тускло поблескивая в утреннем свете, лежал ножной браслет. Пайял. Он был изящен - тонкая серебряная цепочка, усыпанная крошечными, как капли росы, колокольчиками. Работа была искусной, я даже узнала руку на-

шего придворного ювелира. Но красота этого изделия лишь подчеркивала его уродливую суть. Это было не украшение. Это была метка. Клеймо.

- Я не надену это, - сказала я тихо, но твердо. Мой голос не дрогнул.

- Принцесса, умоляю вас! - Парвати опустилась на колени, ее глаза наполнились слезами. - Это не просто приказ. Это знак. Отказавшись, вы подпишете смертный приговор не только себе, но и нам, вашим слугам. Его гнев страшен.

Я отвернулась к окну. Ее слова были правдой. Моя гордость могла стоять жизни этим несчастным женщинам. Но надеть этот браслет означало признать себя его вещью. Признать его власть над своим телом.

- Это оковы рабыни, Парвати, а не дар для принцессы.

- Тогда пусть эти оковы станут вашим оружием, - ее шепот был настойчивым. - Живите, моя госпожа. Дышите. Ешьте его хлеб, носите его украшения, но храните в сердце огонь Мевара. Мертвая принцесса - это лишь печальная легенда. Живая принцесса - это надежда. Это знамя, пусть и невидимое. Не дайте ему сломить ваш дух, пойдя на поводу у гордости. Мудрость иногда заключается в том, чтобы уступить

в малом и выиграть в главном.

Ее слова проникли сквозь ледяную броню моей души. Она была права. Моя смерть была бы для него легкой победой. Моя жизнь, полная тихой ненависти и непокорности духа, станет для него вечной пыткой. Я должна жить.

Я медленно повернулась.

- Хорошо, - я посмотрела на браслет, а затем на испуганное и полное надежды лицо Парвати. - Я надену его. Но я сделаю это сама.

Я взяла с подушечки холодный металл. Он показался мне удивительно легким для оков. Я села на край ложа и, приподняв край своего простого сари, обнажила лодыжку. Моя кожа казалась слишком бледной и незащитной. На мгновение я замерла, но потом решительно защелкнула замок. Раздался тихий щелчок, прозвучавший в тишине комнаты как удар молота по наковальне.

Я встала и сделала шаг. Крошечные колокольчики издали едва слышный, мелодичный звон. Звук моей неволи. Отныне каждый мой шаг будет отмечен им. Каждый поворот, каждый вздох. Он будет слышать меня, даже не видя.

- Благодарю вас, госпожа, - прошептала Парвати, и в ее голосе звучало безмерное облегчение.

- За что ты меня благодаришь, Парвати? За то, что я надела на себя цепь?

- За то, что вы выбрали жизнь, - ответила она, поднимаясь с колен. Пока она помогала мне привести в порядок волосы, ее голос стал еще тише. - Во дворце беспокойно. Люди короля шепчутся. Не все довольны тем, что он оставил вас здесь. Особенно его главный советник, суровый старик по имени Каэль. Говорят, он советовал махарадже... избавиться от вас. Но король его не послушал.

Эта новость была неожиданной. Значит, в стане врага не было единства. Этот Каэль видел во мне угрозу. А сам Варунимха? Что видел он? Игрушку? Трофей? Или что-то еще?

- Почему он не послушал? - спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал безразлично.

- Никто не знает. Махараджа Варунимха не тот человек, чьи решения осмеливаются обсуждать. Но одно ясно: вы для него важны. И пока это так, вы в безопасности от других. Но и в самой большой опасности от него самого.

Она закончила причесывать меня и отошла. Я осталась одна, стоя посреди комнаты. Я посмотрела на свое отражение в полированном металле зеркала. Девушка в простом траурном одеянии, с гордо поднятой головой, на чьей ноге поблескивает серебряный знак рабства.

Я сделала еще шаг. Дзинь. Еще один. Дзинь.

Этот звук не сломил меня. Он стал биением моего нового сердца. Сердца, которое будет стучать в ритме ненависти и ожидания. Ожидания того дня, когда я смогу снять этот браслет сама. Или сорвать его с ноги вместе с головой того, кто его на меня надел. Я не сломлена. Моя война только началась. И я буду вести ее тихо, незаметно, из самого сердца вражеской цитадели.

Глава 5. Воля короля. Варунимха

Утро в Читторе было наполнено делами. Гонцы приносили донесения из столицы, военачальники спорили о распределении гарнизона, казначеи пересчитывали захваченные сокровища. Я сидел во главе длинного стола в зале совета, слушал доклады, отдавал приказы, решал судьбы. Мой разум был остер, как клинок, а слова - тверды, как гранитные стены этой крепости. Я был королем, завоевателем, вершителем. Но сквозь гул голосов и шелест пергаментов я прислушивался к другому звуку, которого здесь не было. К тихому звону серебряных колокольчиков.

Наконец, когда совет был окончен, и я остался наедине со своим главным советником Каэлем, он заговорил о том, о чем молчали другие. Каэль был стар, его лицо напоминало иссохшую землю, а глаза видели слишком много войн и предательств. Он служил еще моему отцу и был единственным, кто осмеливался говорить мне правду, какой бы горькой она ни была.

- Ты играешь с огнем, Варунимха, - сказал он без предисловий, глядя на меня своими выцветшими глазами. - Эта девчонка. Принцесса Мевара. Она - ядовитый цветок в твоём саду.

- Каждый сад нуждается в красоте, Каэль. Даже если у этой красоты есть шипы, - ответил я, наливая себе воды из медного кувшина.

- Красота, что несет смерть? - он покачал головой. - Пока она здесь, она - символ. Искра, что может разжечь пожар восстания. Мои люди доносят, что даже твои воины смотрят на ее окна с любопытством и тревогой. Народ Читтора видит в ней свою последнюю надежду. Убей ее. Или выдай замуж за какого-нибудь мелкого князя на окраине империи и забудь о ней. Прояви мудрость правителя, а не прихоть мужчины.

Я медленно поставил кубок. Его слова были пропитаны ядом прагматизма. Он был прав с точки зрения политики. Но он не понимал главного.

- Ты видишь в ней угрозу. А я вижу в ней высший символ моей власти, - я подошел к окну, выходящему на внутренний двор. - Убить ее - значит признать ее силу. Спрятать - значит признать свой страх. Но заставить ее служить мне, заставить ее добровольно склонить голову перед завоевателем ее народа... вот это, Каэль, и есть истинная победа. Когда она будет носить мои цвета и улыбаться моим шуткам, тогда каждый раджпут в этом проклятом княжестве поймет, что их дух сломлен окончательно.

- Ты хочешь заставить змею петь, - проворчал старик. - Она скорее укусит тебя, когда ты будешь спать.

- Я никогда не сплю так крепко, - усмехнулся я.

В этот момент в зал вошел начальник моей стражи и, поклонившись, доложил:

- Повелитель, ваш приказ исполнен. Принцесса надела ножной браслет.

Я почувствовал укол дикого триумфа. Она подчинилась.

- Она сопротивлялась?

- Сначала отказалась, мой господин. Но после разговора со служанкой надела его сама.

Сама. Это слово на мгновение омрачило мою победу. Она не позволила моим людям прикоснуться к ней. Она превратила акт подчинения в акт собственной воли. Хитрая. Умная. Она не сломалась. Она лишь согнулась, как молодая ива под ветром, чтобы распрямиться вновь.

- Хорошо. Можешь идти.

Когда мы снова остались с Каэлем одни, он посмотрел на меня с укоризной.

- Ты видишь? Она уже ведет свою игру.

- Да, - я улыбнулся, и эта улыбка удивила даже его. - И это делает ее еще более интересной.

Я больше не мог сидеть в этом зале. Мне нужно было увидеть ее. Увидеть доказательство моей власти на ее коже. Услышать звук, который отныне будет сопровождать ее повсюду.

Я пошел к ее покоям один, без стражи. Воины у дверей расступились передо мной, как вода перед носом корабля. Я не постучал. Я просто толкнул резные створки и вошел.

Она была там. Стояла у окна спиной ко мне, одетая в то же простое сари из неотбеленного хлопка. Она замерла, услышав мои шаги. Она не обернулась. Но я знал, что она знает, кто это.

Я медленно прошел вглубь комнаты. Тишина была почти осязаемой. Я остановился в нескольких шагах позади нее. И тогда я услышал его. Когда она, не выдержав, сделала кро-

шечный, почти незаметный шаг в сторону, колокольчики на ее лодыжке издали тихий, серебряный звон.

Дзинь.

Этот звук был слаще любой музыки. Это был звук моей победы.

- Траур идет тебе, принцесса, - сказал я, и мой голос разорвал тишину. - Он подчеркивает твою хрупкость. Но он не будет длиться вечно.

Она медленно обернулась. На ее лице не было ни страха, ни удивления. Только холодное, отстраненное презрение. Ее глаза цвета лесного ореха смотрели прямо на меня, не мигая. Она молчала, бросая мне вызов своим молчанием.

- Завтра, - продолжил я, делая еще один шаг к ней, вторгаясь в ее личное пространство, - ты поделишь со мной полуденную трапезу. В главном зале. В присутствии моих военачальников.

Я ждал ее ответа, вспышки гнева, отказа. Но она продолжала молчать.

- И ты наденешь зеленые шелка, которые я прислал тебе

вчера, - добавил я, нанося последний удар. Я бросал вызов ее трауру, ее тихому бунту. Я заставлял ее выбирать между горем по прошлому и страхом за будущее.

Она смотрела на меня долго, так долго, что я почти услышал, как скрипят шестерни мыслей в ее прекрасной голове. Наконец, она чуть заметно склонила голову. Это не был поклон. Это был знак, что она услышала.

- Как прикажете, махараджа, - ее голос был ровным и бесцветным, как вода.

Я ожидал чего угодно, но не этого ледяного, формального согласия. Она снова выбила у меня почву из-под ног. Она подчинилась, но не покорилась. Она приняла мой приказ, не дав мне удовлетворения от борьбы.

Я развернулся и пошел к выходу. У самой двери я остановился.

- Мне нравится музыка твоего браслета, Лилавати, - сказал я, не оборачиваясь. - Надеюсь, скоро я услышу ее в своих покоях.

Я вышел, не дожидаясь ответа, и закрыл за собой дверь. Я оставил ее одну, с моим последним приказом, с моим ядови-

тым обещанием. Игра продолжалась. И следующий ход был за ней. Но я уже знал, что, как бы она ни поступила, она все глубже увязает в паутине, которую я сплел для нее.

Глава 6. Трапеза с врагом. Лилавати

Когда за ним закрылась дверь, я еще долго стояла неподвижно, вслушиваясь в удаляющиеся шаги завоевателя. Его последние слова, брошенные через плечо, были не просто угрозой - они были клеймом, выжженным на моей душе: "Надеюсь, скоро я услышу ее в своих покоях". Он не просто хотел моего тела, он хотел сломить мой дух, заставить меня стать одной из безликих женщин его гарема, чья единственная радость - звон украшений, возвещающий о милости повелителя.

Я опустила взгляд на свою лодыжку. Серебряный пайял охлаждал кожу. "Мне нравится музыка твоего браслета". Он превратил символ танца и радости в звук моей тюрьмы.

Приказ явиться на трапезу в зеленом шелке был верхом жестокости. Зеленый - цвет жизни, плодородия, радости. Надеть его сейчас, когда земля моего дома еще не остыла от погребальных костров, было бы предательством памяти моей семьи. Он хотел выставить меня перед своими воинами как покорный трофей, как цветок, сорванный для его улады, забывший о своих корнях.

Весь остаток дня и следующую ночь я провела в борьбе. Не с ним - с собой. Часть меня кричала: "Откажись! Умри, но сохрани честь! Не позволяй ему осквернить твой траур!". Но голос Парвати, голос разума и выживания, шептал в ответ: "Живи. Живи, чтобы помнить. Мертвые не мстят. Мертвые не видят падения своих врагов".

К утру я приняла решение. Я подчинюсь его приказу. Но я сделаю это по-своему.

Когда Парвати и другие служанки вошли в мои покои, неся то самое сари из изумрудного шелка, расшитое золотыми павлинами, я не сказала ни слова. Я позволила им раздеть меня, омыть мое тело водой с настоем сандала. Затем я встала перед ними, нагая и беззащитная, как новорожденная.

- Я надену это, - сказала я ровно. - Но ничего больше.

Парвати непонимающе моргнула.

- Никаких украшений, - пояснила я. - Ни серег, ни ожерелья, ни браслетов на руки. Только этот... - я коснулась пальцами ног браслета на лодыжке, - ...знак моей принадлежности.

Служанки переглянулись, но ослушаться не посмели.

- И не трогайте мои волосы, - добавила я. - Просто расчешите их. Никаких сложных причесок, ни цветов, ни жемчуга.

Они повиновались. Они облачили меня в холодный, струящийся шелк. Его прикосновение к коже было похоже на прикосновение змеи. Когда я была готова, я подошла к зеркалу.

Из полированной бронзы на меня смотрела незнакомка. Призрачная королева. Яркий, жизнерадостный цвет сари лишь подчеркивал мертвенную бледность моей кожи. Распущенные темные волосы, лишённые украшений, казались траурным покрывалом. Глаза, не подведенные сурьмой, выглядели огромными и темными на изможденном лице. Я не надела маску покорности. Я надела маску скорби, и этот проклятый зеленый шелк стал ее рамой. Я не была трофеем. Я была живым укором.

Когда стражник у двери объявил, что махараджа ждет меня, я глубоко вздохнула и шагнула за порог.

Путь в главный зал был самым длинным в моей жизни. Каждый шаг сопровождался тихим, мелодичным звоном.

Дзинь-дзинь. Солдаты, стоявшие в коридорах, провожали меня взглядами. В них читалось любопытство, похоть, удивление. Я не смотрела на них. Я смотрела прямо перед собой, неся свою голову так, словно на ней все еще покоилась корона Мевара.

Двери в зал были распахнуты. Внутри стоял гул мужских голосов, смех, бряцание оружия. Но когда я переступила порог, все звуки разом смолкли. Наступила мертвая тишина. Десятки глаз уставились на меня. Я видела их - суровых, бородатых воинов, опьяненных победой, сидевших за столами моего отца.

И я видела его.

Варунимха сидел во главе стола, на месте, где всегда сидел мой отец. Он был одет в темно-бордовую тунику, его волосы были стянуты на затылке кожаным ремешком. Он держал в руке кубок, но замер на полпути ко рту. Его черные глаза впились в меня. Я видела в них все: мимолетное торжество от того, что я подчинилась. А затем - удивление. Замешательство. И что-то еще... что-то похожее на гнев от того, что моя покорность оказалась не той, какой он ожидал. Я вырвала у него победу из рук.

Я медленно, с достоинством прошла через весь зал к глав-

ному столу. Каждый мой шаг отдавался тихим звоном в оглушающей тишине. Я остановилась у отведенного мне места, рядом с ним, но не села, ожидая его позволения. Я играла по правилам этикета, превращая его в свое оружие.

- Садись, принцесса, - его голос прозвучал глухо и напряженно.

Я села. Слуги тут же поставили передо мной золотое блюдо, наполненное рисом, карри, овощами и кусочками мяса. Я взяла в руки лишь чашу с водой.

Трапеза возобновилась, но прежнего веселья уже не было. Воины говорили вполголоса, то и дело бросая на меня косые взгляды. Я чувствовала себя диковинным зверем, выставленным на потеху толпе. Но я не опускала глаз. Я сидела с прямой спиной, глядя на свое отражение в золотом блюде.

- Почему ты не ешь? - раздался его голос совсем рядом. Он был тихим, предназначенным только для меня.

Я подняла на него глаза. Наше противостояние возобновилось прямо здесь, за столом, полным его людей.

- Благодарю вас за щедрость, махараджа, - ответила я ровным, холодным голосом. - Но мое горе отняло у меня голод.

Я взяла с блюда крошечный кусочек лепешки и съела его. Потом сделала глоток воды. Этого было достаточно, чтобы показать, что я не собираюсь умирать от голода у него на глазах, но и не приму его гостеприимства.

Он ничего не ответил. Лишь его пальцы сильнее сжали ножку кубка.

Я выдержала эту пытку. Я сидела там, в сердце вражеского стана, облаченная в цвет жизни, но сама будучи воплощением смерти. Я чувствовала его взгляд на себе - тяжелый, изучающий, злой. Он думал, что сломает меня. Но он лишь заставил меня понять, что моя тюрьма может стать моим полем битвы. И я только что выиграла первое сражение.

Глава 7. Красота скорби. Варунимха

Я ждал ее. Сидя во главе стола в захваченном зале, я чувствовал себя хозяином этого мира. Мои воины шумели, пили вино, праздновали победу, но я не разделял их простого веселья. Все мое внимание было приковано к высоким резным дверям. Я отдал жестокий приказ, унижительный. Я ждал ее реакции: потока слез, яростных проклятий или, что вероятнее всего, отказа, который дал бы мне право применить силу и показать всем, кто здесь хозяин. Я предвкушал эту маленькую, но сладкую победу.

И вот двери отворились. Шум в зале стих, словно его срезало мечом. Она вошла.

В тот миг я понял, что такое поражение в миг триумфа.

Она надела зеленый шелк. Буквально она исполнила мой приказ. Но дух его она растоптала. Она превратила наряд наслаждения в саван. Яркая ткань на ее бледной, лишенной красок коже кричала о святотатстве. Распущенные волосы, без единого украшения, были знаменем ее траура. А глаза Боги, ее глаза! В них не было ни страха, ни ненависти. В них

была лишь бездонная скорбь и ледяное достоинство королевы, идущей на казнь. Она не пришла как пленница. Она явилась как живое олицетворение всего, что я разрушил.

Она прошла через зал, и единственный звук, нарушавший тишину, - тихий звон браслета на ее ноге. Звук, который я сам повелел ей носить, теперь звучал как погребальный колокол по моей самонадеянности.

Мои воины, грубые, закаленные в боях мужчины, смотрели на нее во все глаза. В их взглядах я не увидел похоти, которую ожидал. Я увидел изумление. Растерянность. И даже тень уважения. Эта хрупкая девушка в одиночку обезоружила всю мою армию одним своим видом.

Я заставил себя говорить ровно, приказал ей сесть. Она подчинилась с той же отстраненной грацией. Весь обед она была молчаливым призраком за моим столом. Ее присутствие было громче любого крика. Она почти не ела, но делала это так, что ее отказ от моей пищи выглядел не как упрямство, а как священный обет.

Когда она наконец ушла, оставив за собой шлейф из запаха сандала и звенящей тишины, зал медленно ожил. Но атмосфера изменилась. Она оставила свою тень на каждом из нас.

Позже, когда я остался в своих покоях, ко мне вошел Каэль. Его старое лицо было непроницаемо, но я знал, что он скажет.

- Ты видел? - спросил он без обиняков.

- Я не слепой, - рыкнул я, наливая себе вина. Руки слегка дрожали от сдерживаемого гнева. Гнева на нее и на самого себя.

- Ты думал, что унизишь ее, заставив надеть эти шелка. А вместо этого она унизила тебя перед твоими же людьми, - Каэль говорил спокойно, но его слова били наотмашь. - Она не сломалась. Она перековала себя. Она превратила твое оружие против тебя же. Сегодня она не была пленницей. Она была королевой Мевара, оплакивающей свое королевство. И все это видели.

Я залпом осушил кубок. Старик был прав. Я хотел сломить ее гордость, а вместо этого дал ей сцену, чтобы продемонстрировать ее несокрушимость.

- Что ты предлагаешь? Бросить ее в темницу? Заковать в настоящие цепи?

- Я предлагал тебе убить ее, когда это было просто, - вздохнул Каэль. - Теперь это будет сложнее. Теперь она не просто дочь врага. Она стала символом. Но она все еще опасна. Даже более опасна, чем я думал. Ее ум остер, как и ее гордость.

Он подошел ближе.

- Варунимха, послушай меня. Ты великий воин, но в этих играх ты рискуешь проиграть. Эта девушка... она не просто упряма. В ней есть сталь. Ты хочешь ее тело, и ты его получишь. Ты царь, и это твое право. Возьми ее, сломай ее девственность, сделай ее своей наложницей. Возможно, унижение плоти сломит ее дух там, где не справились угрозы. Но не играй с ней в игры разума. Ты можешь обнаружить, что она играет лучше тебя.

Я молчал, глядя в огонь в камине. Слова Каэля были полны ядовитой мудрости. Взять ее силой. Это было бы просто. Это было бы логично. Этого ждали мои воины. Но после того, что я увидел сегодня... это казалось... неправильным. Слишком легким. Это было бы физической победой, но духовным поражением. Взять ее тело, когда ее дух смотрит на тебя с презрением - что это за победа?

Я понял, что Каэль ошибается. Я больше не хотел просто

ее. Я не хотел сломленную рабыню. Я хотел, чтобы эта женщина, эта призрачная королева с глазами, полными скорби и стали, посмотрела на меня однажды без ненависти. Я хотел завоевать не ее тело, а ее волю. Ее уважение.

Это была самая глупая, самая иррациональная мысль, которая когда-либо приходила мне в голову. Это было против всех правил войны и политики. Это было опасно.

И это стало моей новой целью. Моей главной битвой.

- Оставь меня, Каэль, - сказал я тихо. - Я знаю, что делаю.

Старик посмотрел на меня с сомнением и жалостью, поклонился и вышел.

Я остался один. Образ Лилавати в зеленом шелке стоял у меня перед глазами. Она бросила мне вызов. И я, Варунимха, завоеватель Читтора, принял его. Эта война будет долгой. И я больше не был уверен, кто из нас выйдет из нее победителем.

Глава 8. Яд в медовых речах. Лилавати

Вернувшись в свои покои после унижительной трапезы, я ощутила не триумф, а опустошение. Словно я истратила все свои силы, всю волю, чтобы выдержать это испытание, и теперь внутри меня была лишь звенящая пустота. Парвати помогла мне снять ненавистное зеленое сари. Когда оно змеей соскользнуло на пол, я почувствовала такое облегчение, будто сбросила с себя не шелк, а чешую проказы. Я снова облачилась в простое траурное одеяние, и оно показалось мне самой надежной броней в мире.

- Вы были великолепны, госпожа, - прошептала Парвати, расчесывая мои волосы. Ее пальцы дрожали. - Весь зал смотрел только на вас. Вы были как богиня скорби, сошедшая на землю. Никто не посмел улыбнуться.

- Они смотрели на меня как на диковинку, Парвати, - устало ответила я. - Как на призрак за столом победителя.

- Нет, - твердо сказала она. - Они смотрели с изумлением. Я видела лица воинов. Они ожидали увидеть сломленную плачущую девушку. А увидели королеву. Говорят, да-

же советник махараджи, старый Каэль, который желал вашей смерти, был поражен.

Ее слова принесли мне слабую толику удовлетворения. Значит, моя маленькая битва не осталась незамеченной. Но радости не было. Я знала, что завоеватель не оставит это так. Он не из тех, кто прощает непокорность, даже такую тихую. Я ждала наказания: темницы, плетей, насилия.

Но дни шли, а он не появлялся. Два дня прошли в тишине, нарушаемой лишь звоном моего браслета и шепотом служанок. Он словно забыл обо мне, и эта неизвестность пугала больше, чем открытая угроза.

На третий день в мои покои пришла гостья.

Я сидела у окна, пытаюсь читать древний манускрипт, когда страж у двери объявил:

- Госпожа Чандра, с дарами от махараджи.

Я подняла голову. В комнату вошла женщина, чья красота была подобна красоте хищного цветка. Она была облачена в алое сари, расшитое золотом, которое облегалo ее пышные формы. Множество браслетов звенело на ее руках при каждом движении, а глаза, густо подведенные сурьмой, смотре-

ли дерзко и оценивающе. Я знала, кто она. Чандра была главной танцовщицей и, как шептались во дворце, любимой фавориткой Варунимхи до его прихода в Читтор.

За ней слуги внесли и поставили на ковер великолепный ситар. Его корпус из темного дерева был инкрустирован перламутром, а струны поблескивали, как серебряные нити.

- Принцесса, - голос Чандры был сладким, как мед, но с едва уловимой ядовитой ноткой. Она сделала изящный, но не слишком почтительный поклон. - Махараджа посылает вам этот скромный дар. Он слышал, что вы услаждали слух своего отца игрой на ситаре, и надеется, что музыка поможет вам скрасить печальные дни.

Я молча смотрела на инструмент. На тот самый ситар, что стоял когда-то в моих покоях. Мой ситар. Он забрал его вместе с моей жизнью, а теперь возвращал как милость. Оскорбление было столь же тонким, сколь и глубоким.

- Махараджа очень щедр, - ответила я ровно, не двигаясь с места.

Чандра улыбнулась, но ее темные глаза остались холодными. Она сделала несколько шагов по комнате, ее движения были плавными, как у пантеры.

- О, он очень щедр к тем, кто доставляет ему удовольствие, - промурлыкала она, проводя пальцем по резной спинке кресла. - Но его терпение не безгранично. Он любит живые цветы, принцесса, а не холодные мраморные статуи. Даже самые прекрасные статуи со временем надоедают и их убирают в дальний угол дворца. Или разбивают.

Это была неприкрытая угроза. Она была его посланницей, его говорящим кнутом.

Я медленно встала. Дзинь-дзинь. Звук моего браслета заставил ее на мгновение замолчать и бросить быстрый взгляд на мою лодыжку.

- Передай своему... повелителю мою благодарность, - я намеренно сделала ударение на этом слове. - Но скажи ему, что мои пальцы забыли, как касаться струн. Музыка умерла в Читторе вместе с моим народом.

Я подошла к ней вплотную. Я была выше ее на полголовы и смотрела на нее сверху вниз. Моя простая одежда и отсутствие украшений рядом с ее кричащей роскошью создавали странный контраст. Я была королевой в изгнании, она - разряженной рабыней.

- И еще кое-что, госпожа Чандра, - мой голос стал ледяным. - В следующий раз, когда махараджа захочет что-то мне передать, пусть пришлет слугу. Ваше общество меня утомляет. Ты можешь идти.

На мгновение ее лицо исказила ярость. Маска любезности спала, обнажив зlobу и ревность. Она не привыкла, чтобы с ней так разговаривали. Но она была здесь не в своем праве. Она - фаворитка. Я - принцесса королевской крови, даже в плену. И этот негласный закон дворцовой иерархии она не могла переступить.

Она сжала губы в тонкую линию, бросила на меня испепеляющий взгляд, резко развернулась и вышла, не проронив больше ни слова.

Я осталась одна, стоя посреди комнаты. Рядом со мной на ковре лежал ситар - символ моего прошлого и его новой, более изощренной игры. Он больше не пытался сломить меня силой. Он пытался проникнуть в мою душу, напомнить мне о том, что я потеряла, заставить меня тосковать по прежней жизни и, в конце концов, увидеть в нем не только разрушителя, но и единственного, кто может вернуть мне ее подобие.

Я подошла и коснулась кончиком пальца прохладной, гладкой поверхности инструмента. Но не стала играть.

Я не доставлю ему такого удовольствия. Этот ситар будет стоять здесь, в моих покоях, как немой свидетель. Свидетель его жестокости и моего молчания.

Глава 9. Новая тактика. Варунимха

Я отправил Чандру с ситаром, и это был тщательно продуманный ход. Я знал ее. Знал ее ревность, ее острый язык, ее желание уколоть ту, что заняла мои мысли. Я использовал ее как ядовитую стрелу, надеясь, что ее жалость и угрозы на контрасте с моим "щедрым" даром заставят Лилавати увидеть во мне нечто большее, чем простого варвара. Я рассчитывал, что она, сломленная одиночеством, примет дар и, быть может, даже коснется струн, и тогда я услышу музыку - первый знак ее оттепели.

Как же я ошибался.

Донесение моего шпиона было кратким и унижительным. Принцесса приняла дар с ледяным спокойствием. Она не удостоила Чандру долгой беседой, а выставила ее за дверь, как назойливую служанку, напомнив о разнице в их положении. И самое главное - она назвала ситар вещь, принадлежащей "повелителю" Чандры, тем самым отказавшись признавать меня своим. А потом заявила, что музыка в Читторе умерла.

Я слушал этот отчет, и во мне боролись два чувства: ярость и... восхищение. Ярость от того, что мой тонкий план

провалился, что она снова переиграла меня. Она взяла мой дар, но отвергла его суть, превратив его в еще один символ моего поражения. Он будет стоять в ее комнате, как памятник ее нестигаемой воле.

Но восхищение... Боги, какой же в ней был огонь! Какая сталь скрывалась за этой хрупкой внешностью! Она не просто защищалась - она нападала. Она унизила мою фаворитку, используя для этого не оружие, а лишь слова и свое королевское достоинство. Она вела войну на своей территории, по своим правилам.

- Она опасна, я же говорил тебе, - проскрипел Каэль, когда я пересказал ему суть донесения. - Она плюет на твои дары. Она смеется над твоими посланницами. Чем дольше она здесь, тем сильнее становится ее легенда.

- Она не смеется, - возразил я, прохаживаясь по залу. - Она скорбит. И ее скорбь - это ее броня. Я пытался пробить ее шелками и музыкой, но это все равно что пытаться пробить каменную стену лепестками роз.

- Так возьми кувалду! - воскликнул старик. - Возьми ее силой, как и подобает завоевателю! Покончи с этой игрой!

- Нет, - я остановился и посмотрел на него. - Это будет ее

победа. Она ждет этого. Она хочет, чтобы я стал чудовищем из ее мыслей, чтобы ее ненависть обрела плоть. Я не доставлю ей такого удовольствия.

Я понял свою ошибку. Я пытался навязать ей свой мир, свои дары, свои правила внутри ее клетки. Но пока она сидит в этих четырех стенах, в окружении своих воспоминаний, она - королева своего маленького, разрушенного мира. Я должен вырвать ее оттуда.

Я должен изменить поле битвы.

- Она сидит в темноте и лелеет свою скорбь, - размышлял я вслух. - Значит, нужно вывести ее на свет.

В тот же вечер, когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в цвета шафрана и сандала, я принял решение. Я не стал посылать стражу или слуг. Я пошел сам.

Ее покои охраняли двое моих лучших воинов. Они вытянулись в струну при моем приближении. Я жестом приказал им оставаться на месте и сам толкнул дверь.

Она сидела на подушках у окна, спиной ко мне. Силуэт на фоне заката. Рядом с ней, как темный укор, стоял ситар. Она не обернулась, но я знал, что она замерла, услышав мои ша-

ги. Тихий звон ее браслета, когда она напряглась, подтвердил это.

Я не стал подходить близко. Я остановился посреди комнаты.

- Ты превратила эти покои в гробницу, принцесса, - сказал я спокойно. - Но ты еще жива. И пока ты дышишь, ты будешь подчиняться моим приказам.

Она медленно повернула голову. В полумраке ее глаза казались темными омутами. В них не было страха, лишь холодное ожидание.

- Я жду вашего следующего унижения, махараджа.

- Это не унижение. Это приказ, - я сделал паузу, наблюдая за ее реакцией. - Ты выйдешь со мной в сад. Ты пройдешься со мной под открытым небом и вдохнешь вечерний воздух.

На ее лице впервые отразилось удивление. Она ожидала чего угодно - угроз, насилия, нового оскорбительного дара. Но не этого. Не приглашения на прогулку.

- Я не желаю гулять, - ответила она холодно.

- Твои желания меня не интересуют, - отрезал я. - Ты сидишь здесь и упиваешься своим горем, но я не позволю тебе угаснуть в этой комнате. Ты - мой трофей, Лилавати. А я привык, чтобы мои трофеи сияли. Ты выйдешь со мной. Сейчас.

Я не предлагал. Я приказывал. Но приказ был настолько необычным, что выбил ее из колеи. Я видел борьбу в ее глазах. Желание отказать, бросить мне в лицо очередное "нет". Но она, очевидно, понимала, что на этот раз я не отступлю. И что сопротивление приведет к тому, что ее выволокут из комнаты силой, что будет куда большим унижением.

Она медленно, с царственным достоинством, поднялась на ноги. Дзинь-дзинь.

- Я надену покрывало, - сказала она, и это было не просьбой, а констатацией факта.

- Как пожелаешь, - кивнул я.

Я вышел из комнаты и стал ждать ее у дверей, давая ей минуту. Я выиграл этот раунд. Я заставил ее подчиниться. Но я знал, что это лишь начало. Сейчас она выйдет из своей крепости на мою территорию. В мой сад. Под мое небо. И там, без стен, которые ее защищают, наша настоящая битва

ТОЛЬКО начнется.

Глава 10. Шаги в тишине. Лилавати

Его приказ был подобен удару грома среди ясного неба. Не угроза, не унижение, а... прогулка. Я на мгновение застыла, пытаюсь разгадать его замысел. Это была новая игра, более тонкая и оттого более опасная. Он понял, что давление и оскорбления лишь укрепляют стены моей ненависти. Теперь он решил сменить тактику - он попытается разрушить их лаской. Фальшивой лаской.

Я согласилась, потому что отказ был бы равносителен поражению. Он бы применил силу, и я бы предстала перед ним слабой и испуганной. Нет, я выйду сама. Я выйду в его сад, на его территорию, но останусь в своей неприступной крепости - крепости своего молчания и своего горя.

Накинув на голову и плечи тонкое покрывало, я вышла из покоев. Он ждал у двери, высокий и неподвижный, как скала. Его темные глаза проследили за моим движением, и я почувствовала, как по коже пробежал холодок. Он не предложил мне руку. Он просто пошел рядом, и я последовала за ним, сохраняя расстояние. Мы шли по гулким коридорам моего родного дворца, и единственными звуками были его

тяжелая поступь и тихий, предательский звон моего браслета. Дзинь-дзинь. Каждый шаг - напоминание.

Когда мы вышли наружу, я невольно замерла и вдохнула полной грудью. Воздух. Прохладный, вечерний, напоенный ароматами ночного жасмина и влажной земли. Как же я по нему скучала! Несколько дней в запертых покоях притупили мои чувства, и сейчас этот простой глоток воздуха показался мне бесценным даром. Но я тут же оборвала эту мысль. Это не дар. Это еще одна сторона моей клетки, просто более просторная.

Мы вошли в сад лотосов. Мой любимый сад. Лунный свет заливал его серебром, превращая мраморные дорожки в молочные реки. Фонтан в центре тихо пел свою вечную песню. Здесь, под этой плакучей ивой, я читала стихи с сестрами. У того пруда отец учил меня называть созвездия. Каждое дерево, каждый камень здесь был частью моей души. И теперь по этой душе топтался мой враг.

Мы шли молча. Тишина была густой и натянутой, как струна ситара. Я знала, что он ждет. Ждет, что я заговорю, что красота этого места растопит лед в моем сердце, что я проявлю слабость. Я не доставила ему этого удовольствия. Я смотрела прямо перед собой, на освещенную луной дорожку, но видела лишь пепел своей прошлой жизни.

- Этот сад был твоим любимым, не так ли? - его голос нарушил тишину. Он был ровным, почти безразличным, но я уловила в нем нотки любопытства.

Я остановилась и посмотрела на пруд, где на темной воде белели закрывшиеся на ночь цветы лотоса.

- Он был прекрасен, - ответила я, намеренно используя прошедшее время. Я говорила не с ним. Я говорила с призраками этого сада.

Он подошел и встал рядом, так близко, что я могла чувствовать тепло, исходящее от его тела. Я не отступила.

- Он и сейчас прекрасен, - сказал он, глядя на отражение луны в воде. - Луна та же, цветы те же.

Это была провокация. Попытка заставить меня признать, что жизнь продолжается, что красота вечна, даже если ее хозяева сменились.

Я медленно повернула к нему голову. Мое лицо было скрыто тенью покрывала, но я знала, что он чувствует мой взгляд.

- Красота обманчива, махараджа, - мой голос был тихим,

но твердым. - Самый яркий цветок может скрывать под своими лепестками смертельный яд. А луна одинаково бесстрастно освещает и свадьбу, и погребальный костер.

Он замолчал. Я почувствовала, как изменилась атмосфера между нами. Он ожидал слез, мольбы, может быть, даже проклятий. Но он не ожидал холодной, отточенной, как лезвие, философии. Я говорила с ним на его языке - языке метафор и скрытых смыслов. И я видела в темноте, как напряглась линия его челюсти.

Мы постояли еще мгновение в этой звенящей тишине, а затем он так же резко, как и начал этот разговор, произнес:

- Прогулка окончена.

Он повел меня обратно. Всю дорогу до моих покоев он не проронил ни слова. Его молчание было другим, не выжидающим, а тяжелым, задумчивым. Я чувствовала на себе его взгляд, но не отвечала на него.

У дверей моей комнаты он остановился и посмотрел на меня. В его темных глазах я впервые не увидела ни тени торжества завоевателя. Там было что-то другое. Смятение? Раздражение? Или, может быть, проблеск уважения к врагу, который отказался сдаваться?

- Спокойной ночи, принцесса, - сказал он глухо и, не дожидаясь ответа, развернулся и ушел.

Я вошла в свои покои и прислонилась спиной к холодной двери. Ноги дрожали от пережитого напряжения. Я вышла из своей клетки, ступила на вражескую территорию и вернулась непобежденной. Я не дала ему ничего - ни слез, ни страха, ни надежды. Я показала ему, что он может владеть моим телом, моими днями и ночами, но есть одна крепость, которую ему не взять никогда. Крепость в моем сердце.

Глава 11. Луна над Читтором. Варунимха

Я вывел ее в сад, как выводят на свет редкое, упрямое животное, которое отказывается принимать пищу в неволе. Я думал, что свежий воздух, красота ночи, воспоминания о ее прошлой жизни проделают брешь в ее ледяной броне. Я хотел увидеть на ее лице хоть что-то живое: тоску, печаль, может быть, даже слабую улыбку. Я хотел, чтобы она заговорила со мной не как пленница с тюремщиком, а как женщина с мужчиной.

Она вышла. Она пошла со мной. Но она принесла свою тюрьму с собой.

Она двигалась с отстраненной грацией, закутанная в свое покрывало и свое молчание. Ее шаги были легкими, но каждый тихий звон ее браслета звучал для меня как удар молоточка по моей уверенности. Я заковал ее тело, но ее дух парил где-то далеко, недосягаемый для меня.

В саду, в ее любимом саду, я попытался заговорить с ней. Я указал на красоту, которая нас окружала, наивно полагая, что мы можем разделить этот миг, как два обычных челове-

ка.

Ее ответ поразил меня в самое сердце. "Красота обманчива, махараджа. Самый яркий цветок может скрывать под своими лепестками смертельный яд".

Она не просто ответила мне. Она вынесла мне приговор. В ее глазах я был не человеком, не королем. Я был красивой, но смертельной вещью. Ядом в яркой оболочке. И она видела меня насквозь. Она не поддавалась иллюзии милосердия, не обманулась сменой моей тактики. Она смотрела в корень - я завоеватель, убийца ее семьи, разрушитель ее мира. И никакая луна, никакой жасмин не могли этого изменить.

В тот момент я впервые за всю войну почувствовал себя проигравшим. Я стоял рядом с ней, хозяин ее жизни и смерти, властелин всего, что она видит, и при этом был абсолютно бессилен. Она смотрела на меня из-за неприступных стен своей ненависти, и я не знал, как их сокрушить. Каэль был прав: я играл в игру, правил которой не понимал.

Я резко оборвал прогулку и отвел ее обратно. У дверей ее покоев наши взгляды встретились на долю секунды. Я искал в ее глазах хоть что-то - страх, удовлетворение от своей маленькой победы. Но там была лишь холодная, спокойная пустота. Она уже была далеко, за стенами своей внутренней

крепости.

Вернувшись в свои покои, я вышел на балкон. Та же луна, тот же воздух. Но теперь они казались другими. Я налил себе вина, но его вкус показался мне пресным. Все мои победы, вся моя власть меркли перед лицом поражения, которое я потерпел от одной-единственной безоружной девушки.

Я думал, что хочу ее тело. Я ошибался. После этой ночи я понял, что хочу гораздо большего. Я хочу, чтобы она перестала видеть во мне ядовитый цветок. Я хочу, чтобы она увидела мужчину. Я хочу сломать не ее, а стену между нами.

Слова Каэля о том, чтобы взять ее силой, теперь казались мне верхом глупости. Это было бы так же бессмысленно, как пытаться овладеть ветром или лунным светом. Я получил бы ее тело, но ее душа лишь посмеялась бы надо мной из своей недостижимой дали. И я бы знал это. Эта победа превратилась бы в вечную пытку.

Нет. Тактика должна быть другой.

Я смотрел на ее далекое зарешеченное окно. Она думает, что я пытаюсь ее сломить. Но что, если я перестану? Что, если я просто оставляю ее в покое? Уберу стражу от ее дверей, позволю ей гулять по саду одной, пришлю ей не украшения,

а книги из разграбленной библиотеки ее отца?

Что она будет делать, если враг вдруг уберет осадные машины от ее стен? Будет ли она и дальше сидеть в своей крепости, или любопытство заставит ее выглянуть наружу?

Это был рискованный план. Она могла воспользоваться этим, чтобы попытаться бежать или организовать заговор. Но я был готов рискнуть. Прошлая тактика провалилась. Время для новой.

Я больше не буду завоевателем, пытающимся взять штурмом ее сердце. Я стану садовником. Я буду терпеливо ухаживать за землей вокруг ее крепости. Я убегу камни угроз и сорняки унижений. И буду ждать. Вдруг однажды она сама откроет ворота, чтобы посмотреть, какие цветы выросли снаружи.

Я допил вино и улыбнулся в темноту. Эта девушка, Лилавати, принцесса Мевара, сама того не зная, преподала мне самый важный урок в моей жизни. Урок смирения. И сделала эту войну - войну за нее - самой интересной из всех, что я когда-либо вел.

Глава 12. Дар из прошлого. Лилавати

После той ночной прогулки в саду я приготовилась к худшему. Я бросила ему в лицо вызов, ответив на его попытку "примирения" ледяным презрением. Я ожидала, что его терпение лопнет. Что он вернется, и на этот раз его глаза будут метать молнии, а руки не будут знать жалости. Я провела ночь без сна, сидя на подушках и вслушиваясь в каждый шорох за дверью, готовая встретить свою судьбу с достоинством.

Но он не пришел.

Утро сменило ночь, а за ним наступил и день. Тишина. Никто не беспокоил меня. Парвати приносила еду, убирала в покоех, говорила со мной тихим, ободряющим шепотом, но ни одного приказа, ни одного послания от махараджи не было. Сначала я не придавала этому значения. Но когда наступил второй день, и я, подойдя к двери, не увидела на привычном месте стражников, мое сердце пропустило удар.

- Парвати, где стража? - спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

- Их убрали сегодня утром, госпожа, - ответила она, раскладывая на столике фрукты. - По приказу махараджи.

Я замерла. Это было невысказано. Что это? Новая попытка? Он хочет, чтобы я мучилась в неизвестности, ожидая удара из-за незапертой двери? Или это ловушка? Он ждет, что я попытаюсь бежать, чтобы поймать меня и получить повод для жестокого наказания?

Я не вышла из комнаты. Весь день я провела у окна, наблюдая за жизнью во внутреннем дворе. Я видела его воинов, слуг, но никто даже не смотрел в сторону моих покоев. Словно я стала невидимкой. Словно меня больше не существовало. И это пугало сильнее, чем его гнев. Он лишил меня врага, против которого я могла бороться. Он оставил меня наедине с тишиной и моими мыслями.

На третий день моего добровольного затворничества слуги принесли... книги.

Несколько стопок старых манускриптов в кожаных переплетках, перевязанных лентами. Их поставили на низкий столик и молча удалились. Я смотрела на них издали, не решаясь подойти. Я узнала их. Это были книги из личной библиотеки моего отца. Трактаты по философии, сборники древней

поэзии, хроники нашего рода.

Мое сердце сжалось от невыносимой боли. Это был самый жестокий и самый гениальный его ход. Он не прислал мне украшения, которые я бы отвергла. Он не прислал мне сладости, к которым я бы не притронулась. Он прислал мне часть души моего отца. Часть моей собственной души.

Я подошла к столику, мои ноги были ватными. Дрожащей рукой я коснулась верхнего переплета. Прохладная, потертая кожа. Я развязала ленту и открыла манускрипт. Запах старой бумаги и чернил ударил в нос, и у меня на глаза навернулись слезы. Первые слезы с того страшного дня.

На полях, рядом с древними строками, я увидела знакомый почерк. Заметки, сделанные рукой моего отца. Его мысли, его сомнения, его восхищение. Я провела пальцами по этим строкам, и мне показалось, что я слышу его голос, тихий и вкрадчивый, каким он бывал, когда читал мне в детстве.

Что мне было делать? Отвергнуть этот дар означало отвергнуть память об отце. Принять его - означало принять милость от его убийцы.

Я села на пол прямо там, у столика, и долго смотрела на

открытую страницу. Ненависть к Варунимхе боролась во мне с любовью к отцу. И любовь победила.

Я взяла книгу в руки. Я прижала ее к груди. Это было не его подношение. Это было наследие, которое он лишь вернул мне. Он был всего лишь слепым орудием судьбы, почтальоном, доставившим мне письмо из прошлого. Так я сказала себе.

В тот вечер я не смотрела в окно. Я не слушала шаги в коридоре. Я сидела при свете масляной лампы и читала. Слова мудрецов и поэтов, мысли моего отца уносили меня из этой золотой клетки, из этого времени, полного боли и унижения. Я снова была маленькой девочкой, сидевшей в ногах у отца в прохладе библиотеки. Я снова была принцессой, изучающей историю своего великого народа.

Я читала всю ночь, пока воск в лампе не оплыл, и первые лучи солнца не коснулись страниц. Впервые за много дней я почувствовала не пустоту, а что-то иное. Силу. Силу знаний. Силу памяти.

Он думал, что этим даром он сломит меня, заставит размякнуть от сентиментальности. Но он ошибся. Он дал мне оружие. Он напомнил мне, кто я такая. Я не просто пленница. Я - Лилавати, дочь махараджи Ратана Сингха, наследница.

ца крови Мевара. И пока я помню это, я непобедима.

Глава 13. Танец семи покрывал. Варунимха

Мой шпион доложил, что она приняла книги. Более того, она читает. Ночами напролет в ее окне горит свет. Она не выходит из покоев, но она больше не сидит неподвижной статуей у окна. Она живет. Внутри страниц, внутри прошлого, но живет. Это была первая, крошечная победа в моей новой войне. Я дал ей не приказ, а выбор, и она выбрала принять мой дар.

Каэль ворчал, что я сошел с ума.

- Ты убрал стражу. Ты дал ей книги ее отца. Ты хочешь, чтобы она вспомнила о своей гордости и вонзила тебе нож в спину, пока ты спишь? Ты растишь змею у себя на груди, Варунимха!

- Я не ращу змею, Каэль, - отвечал я ему спокойно. - Я пытаюсь приручить тигрицу. А тигра не приручить кнутом и клеткой. Ему нужно дать пространство, чтобы он не чувствовал угрозы.

Но я знал, что одного пространства мало. Она ушла в свой

мир, в мир книг, и снова воздвигла вокруг себя стены, на этот раз не из ненависти, а из знаний и воспоминаний. Мне нужно было снова выманить ее наружу. Но не приказом, а соблазном.

И я придумал, как это сделать.

Во дворце назревало недовольство. Мои воины устали от гарнизонной службы, им требовались развлечения. Это был прекрасный повод.

- Сегодня вечером, - объявил я на утреннем совете, - в главном зале будет устроен праздник для моих военачальников. Будет музыка, вино и танцы.

Я видел, как оживились лица моих людей. А затем я отдал главный приказ своему распорядителю.

- Чандра будет танцевать. Пусть готовит свой лучший танец. Танец семи покрывал.

Распорядитель поклонился, но я заметил, как в его глазах мелькнуло удивление. Этот танец был слишком откровенным, слишком интимным для простого пира. Его танцевали для одного зрителя - для повелителя в его личных покоях. Выставляя его на всеобщее обозрение, я одновременно

и возвышал Чандру, и унижал, превращая ее из фаворитки в простую танцовщицу. Но истинная цель была не в этом.

После совета я подозвал к себе одного из евнухов, прислуживавших в женской половине дворца.

- Подойдешь к покоям принцессы Лилавати, - сказал я ему. - И передашь ей мои слова. Не как приказ, а как приглашение. "Сегодня вечером махараджа устраивает праздник. Если принцессе будет угодно развеять свою печаль и посмотреть на лучших танцовщиц моего двора, для нее будет приготовлено место на балконе над главным залом. Она будет невидима для гостей, но сможет видеть все".

Евнух поклонился и ушел.

Я все рассчитал. Я не приказывал ей прийти. Я давал ей выбор. Я предлагал ей зрелище, не требуя ничего взамен. Я даже гарантировал ей анонимность, зная ее гордость. Она могла бы отказаться. Но я ставил на ее любопытство. И на ее женскую природу. Она слышала о Чандре. Она видела ее. Сможет ли она устоять перед искушением увидеть свою соперницу, танцующую для меня? Увидеть то, что происходит в моем мире, из которого она так упорно себя исключает?

И, конечно, сам танец. Он был посланием, предназначен-

ным для нее. Чувственный, полный соблазна и обещания. Я хотел, чтобы она смотрела на изгибы тела Чандры и думала обо мне. Чтобы она видела страсть, которую я могу дарить, и чувствовала укол ревности. Я хотел разбудить в ней женщину, которая спала под ледяной коркой скорбящей принцессы. Гнев, ревность, желание, отвращение - я был готов к любой ее эмоции. Ко всему, кроме ее холодного, мертвенного безразличия.

Вечером, когда зал наполнился гулом голосов, смехом и звоном кубков, я занял свое место на троне. Музыканты заиграли томную, тягучую мелодию. Я поднял глаза на резной деревянный балкон, скрытый в тени над залом. Он был пуст.

На мгновение я почувствовал укол разочарования. Она не пришла. Она оказалась сильнее, чем я думал.

Но вот зазвучали барабаны, и в центр зала выплыла Чандра, окутанная семью слоями полупрозрачного шелка. Танец начался. Она двигалась как змея, ее тело изгибалось под музыку, а покрывала одно за другим падали на пол, словно лепестки экзотического цветка.

Я смотрел на нее, но мысли мои были там, наверху. И вдруг я увидел. В самой глубине темного балкона, за колонной, мелькнула тень. Легкое движение, которое мог заметить

ТОЛЬКО ТОТ, КТО ИСКАЛ ЕГО.

Она пришла.

Мое сердце забилося быстрее. Тигрица вышла из своего логова, чтобы посмотреть на охотника. Она думала, что она в безопасности, в тени. Она не знала, что вся эта сцена, весь этот праздник, этот танец - все это было расставлено только для нее. И теперь, когда она была здесь, представление только начиналось.

Глава 14. Танец для врага. Лилавати

Когда евнух передал мне приглашение махараджи, мой первый порыв был - с презрением отказаться. Я представила себе грубый пир завоевателей в священных залах моего отца и содрогнулась от отвращения. Но потом, когда я осталась одна, в душу закралось холодное, как змея, сомнение.

"Она будет невидима для гостей, но сможет видеть все".

Это не было похоже на его прежние ходы. Он не приказывал, не унижал. Он предлагал. Он давал мне возможность увидеть его мир, оставаясь при этом в безопасности своей тени. Зачем? Что он задумал на этот раз? Я знала, что это ловушка. Но чтобы избежать ловушки, нужно сначала понять, как она устроена. Отказываясь, я покажу страх. Соглашаясь, я смогу наблюдать. Изучать. Искать слабости в его окружении, в нем самом.

"Я должна знать своего врага", - мысленно сказала я себе. Это была единственная причина, единственное оправдание, которое я позволила своей гордости.

Когда стемнело, и из главного зала донеслись звуки музыки и гул голосов, я, закутавшись в темное покрывало, неслышно выскользнула из своих покоев. Коридоры были пустынные; вся дворцовая жизнь сосредоточилась там, внизу. Я нашла потайную лестницу, ведущую на верхние галереи, которой мы с сестрами пользовались в детстве, играя в прятки.

Балкон был погружен во тьму, как он и обещал. Резные перила и колонны скрывали меня от сотен глаз внизу. Я затаилась в самой глубокой тени, превратившись в бесплотный дух. Внизу, в свете сотен факелов и ламп, раскинулась картина, от которой у меня перехватило дыхание. Зал моего отца, где некогда велись благородные беседы и звучала возвышенная поэзия, был полон его военачальников. Грубые, бородатые мужчины в дорогих одеждах, они пили вино из золотых кубков моего рода, громко смеялись, хвастаясь своими победами. Мой дом. Мои кубки. Их смех. Каждый звук был как удар кинжала.

А на троне, на возвышении, сидел он. Варунимха. Он казался спокойным и отстраненным, лишь изредка отвечая на реплики тех, кто сидел рядом. Он не был похож на пьяного солдафона. Он был королем, наблюдающим за своей стаей. Властным. Опасным.

И тут зазвучали барабаны. В центр зала вышла Чандра.

Я смотрела, как она танцует, и чувствовала, как во мне закипает холодная ярость. Эта женщина, его игрушка, оскверняла своим откровенным танцем пол, по которому ступала моя мать. Ее движения были полны неприкрытого соблазна, обещания, предназначенного для одного человека. И я знала, для кого.

Она сбрасывала покрывала, одно за другим, и с каждым упавшим куском шелка в зале становилось тише, а взгляды мужчин - голоднее. Я смотрела на это с ледяным презрением. Так вот каковы нравы его двора. Так вот какие женщины ему угодны. Гибкие, покорные, бесстыдные. Все то, чем я не была и никогда не буду.

Танец достиг своей кульминации. Чандра, оставшись в последнем, самом тонком покрывале, простерла руки к трону. К нему. Все взгляды были устремлены на нее, ожидая его реакции, его одобрительного слова или жеста.

И в этот момент я посмотрела на него.

И весь мир перевернулся.

Он не смотрел на нее.

Его голова была лишь слегка повернута в ее сторону, но его глаза, темные, пронзительные, были устремлены вверх. В тень. Прямо на то место, где я стояла. Он не мог меня видеть, не мог разглядеть в темноте. Но он смотрел. Он смотрел на меня.

И я поняла. Весь этот спектакль. Весь этот праздник. Этот унижительный танец его фаворитки под жадными взглядами сотен мужчин. Все это было не для них. И не для нее.

Все это было для меня.

Он не просто пригласил меня посмотреть. Он поставил для меня пьесу. Он хотел, чтобы я увидела эту женщину, ее красоту, ее желание, ее принадлежность ему. Он хотел уколоть меня, заставить почувствовать ревность, зависть, одиночество. Он хотел разбудить во мне что-то.

Кровь отхлынула от моего лица. Это было не просто коварство. Это был ум. Холодный, расчетливый, дьявольский ум. Он играл на самых тонких струнах человеческой души, и я, считавшая себя такой сильной, такой непроницаемой, попала в его ловушку. Я пришла. Я смотрела. И я почувствовала. Не ревность. Нет. Что-то гораздо худшее. Смятение.

Он не был просто грубым воином. Он был игроком, рав-

ного которому я еще не встречала.

Я не могла больше там оставаться. Я чувствовала его взгляд на себе, он словно прожигал темноту, проникал под кожу, в самую душу. Я развернулась и, стараясь не издать ни звука, бросилась прочь, обратно по тайной лестнице, в свою келью, которая больше не казалась мне безопасной крепостью.

Заперев за собой дверь, я прислонилась к ней, тяжело дыша. Мое сердце колотилось как бешеное. Он выиграл. Сегодня он выиграл. Он заставил меня почувствовать себя не королевой в изгнании, а просто женщиной. Одинокой, сбитой с толку женщиной, на которую смотрит мужчина, держащий в руках ее судьбу. И от этого осознания мне стало страшно, как никогда раньше.

Глава 15. Отвергнутая фаворитка. Варунимха

Я видел ее. Лишь на мгновение, когда она отступила от колонны, ее силуэт на долю секунды проявился на фоне чуть более светлой стены позади. Этого было достаточно. Моя ловушка сработала. Тигрица вышла из своего логова.

С этого момента танец Чандры потерял для меня всякий смысл. Она была лишь инструментом, яркой приманкой. Весь мой разум, все мое существо было сосредоточено на той темной галерее наверху. Я чувствовал ее взгляд. Тяжелый, полный ненависти, презрения, а может, и чего-то еще. Я упивался этим. Я представил ее лицо, ее сжатые губы, ее широко раскрытые глаза, в которых отражалось пламя факелов и изгибы тела другой женщины. Я заставил ее смотреть. Я заставил ее чувствовать.

Когда танец закончился, и Чандра, тяжело дыша, застыла в ожидании моей похвалы, я нарочно выдержал паузу. Зал замер вместе с ней. Я медленно поднял кубок, сделал глоток, и только потом перевел на нее ледяной, оценивающий взгляд.

- Неплохо, - бросил я так громко, чтобы слышали все. - Можешь идти. Вознаграждение получишь у казначея.

В ее глазах мелькнуло унижение и ярость. Она ожидала приглашения в мои покои, знака особого расположения. Вместо этого я откупился от нее золотом, как от обычной базарной плясуньи, на глазах у всего двора. Это было жестоко, но необходимо. Это было вторым актом моей пьесы. Сообщением, отправленным наверх, в тень. Та женщина - ничто. Она лишь развлечение. Мои мысли не с ней.

Я видел, как тень на балконе исчезла. Она сбежала. Это было даже лучше, чем я ожидал. Я вывел ее из равновесия. Я пробил ее броню.

Пир продолжался, но я его больше не замечал. Я отдал несколько распоряжений Джайсингху, выпил еще вина, но мыслями был уже не здесь. Я был в ее покоях. Я представлял ее, мечущуюся по комнате, как птица в клетке, сбитую с толку, разгневанную, испуганную. Живую. Наконец-то живую.

Я не мог больше ждать.

- Каэль, - подозвал я своего советника. - Праздник окончен. Распорядись.

Старик посмотрел на меня с неодобрением, но подчинился. Я поднялся с трона и, не обращая внимания на удивленные взгляды военачальников, направился к выходу. Не в свои покои. В ее.

Я шел по тихим коридорам, и каждый шаг отдавался гулким эхом в моей голове. Я был пьян, но не вином. Я был пьян властью, предвкушением, триумфом. Я сломал ее защиту. Теперь я хотел увидеть разрушения.

У ее двери я остановился. Я не стал стучать. Я просто толкнул створки и вошел.

Она стояла посреди комнаты, спиной ко мне, у столика с книгами. Услышав меня, она резко обернулась. На ее лице был не страх, а ярость. Ее глаза метали молнии. Она была бледна, но прекрасна в своем гневе.

- Вон, - прошипела она.

Я медленно закрыл за собой дверь.

- Я - король в своем дворце, принцесса. Я хожу, где мне заблагорассудится, - я сделал шаг к ней, наслаждаясь тем, как она инстинктивно отступила. - Тебе понравилось представление? Я старался, чтобы тебе не было скучно.

Это был удар хлыстом. Я видел, как она вздрогнула.

- Вы - чудовище, - выдохнула она.

- Да, - я улыбнулся. - Я - чудовище. Завоеватель. Убийца. Все то, что ты обо мне думаешь. Но даже чудовищам иногда нужно общество. Особенно общество той, для кого они устраивают представления.

Я подошел совсем близко. Она уперлась в край стола, ей некуда было больше отступить. Я видел, как вздымается ее грудь под простой тканью сари. Я чувствовал запах ее кожи - смесь сандала и чего-то еще, неуловимо женского, чистого. Я наклонился к ней, не касаясь, но вторгаясь в ее пространство, заставляя ее вдыхать мой запах - запах вина, кожи и власти.

- Ты думала, я не знал, что ты там? - прошептал я ей на ухо. - Я чувствовал твой взгляд каждую секунду, Лилавати. Он был жарче, чем пламя факелов.

Я видел, как по ее шее пробежала дрожь. Я победил. Она больше не была ледяной статуей. Она была живой, дышащей, чувствующей женщиной. И она была напугана. Не мной, как воином. А мной, как мужчиной.

Я выпрямился, давая ей возможность вздохнуть. Я не собирался брать ее сегодня. Это было бы слишком просто. Слишком грубо. Моя победа была в другом.

- Спи спокойно, принцесса, - сказал я, и мой голос снова стал ровным и холодным. - Завтра будет новый день. И новая игра.

Я развернулся и вышел, оставив ее дрожать посреди комнаты. Я оставил ее наедине с ее мыслями, с ее гневом, с ее смятением. И с осознанием того, что стены ее покоев больше не могут защитить ее от меня. Я нашел дорогу к ее душе. И теперь я буду приходить, когда захочу.

Глава 16. Первая ночь. Лилавати

Я не спала. После его ухода сон бежал от меня, как от огня. Я сидела, сжавшись в комок на подушках, и пыталась унять дрожь, сотрясавшую все тело. Это была не дрожь страха. Это была дрожь отвращения и бессильной ярости. Он играл со мной, как кошка с мышью, и я это понимала. Каждый его ход был просчитан, каждая его "милость" была лишь новым витком пытки. Книги, прогулка, танец - все это было прелюдией. Прелюдией к тому, что он задумал с самого начала.

И он пришел снова.

Я слышала его шаги в коридоре задолго до того, как дверь отворилась. Тяжелые, уверенные, безжалостные. Шаги хозяина. Дверь не скрипнула. Он просто вошел, словно входил в свою собственную сокровищницу, чтобы полюбоваться на главное сокровище.

Он был один. Без стражи. В простой тунике, без оружия. Но самым страшным оружием были его глаза. В них больше не было игры. Не было холодного расчета. В них плескалась темная, первобытная решимость.

- Я устал ждать, Лилавати, - сказал он тихо, и этот тихий

голос был страшнее любого крика. - Я устал от твоих стен, от твоего молчания, от твоей скорби. Сегодня ночью ты перестанешь быть призраком прошлого. Ты станешь женщиной настоящего. Моей женщиной.

Мое сердце рухнуло в ледяную пропасть. Вот он, конец игры. Момент, которого я боялась и к которому готовилась с первого дня плена.

- Я скорее умру, - выдохнула я, поднимаясь на ноги. Я отступила к стене, ища опору. - Умереть ты всегда успеешь, - он медленно пошел ко мне. - Но сначала ты будешь жить. Для меня. Ты можешь кричать, можешь царапаться, можешь ненавидеть меня. Мне все равно. Исход этой ночи предрешен. Единственное, что ты можешь выбрать, - это сделаешь ли ты это с гордостью принцессы или со страхом рабыни.

Ультиматум. Жестокий, беспощадный, не оставляющий ни единой лазейки. Он отнял у меня все, а теперь предлагал иллюзию выбора в последнем, самом страшном унижении.

Я смотрела в его темные, как ночь, глаза и видела в них свое отражение - маленькую, загнанную в угол фигурку. Но в этом отражении не было страха. Там была вся ненависть, на которую было способно мое сердце. Вся гордость моего рода. Вся боль моего народа.

- Вы никогда не получите моей покорности, - прошептала я, и мой голос звенел, как натянутая струна. - Никогда.

- Мне не нужна твоя покорность, - он остановился в шаге от меня. Я чувствовала жар его тела, видела, как вздымается его грудь при каждом вдохе. - Мне нужно твое тело. Твоя душа может принадлежать твоим мертвым богам и твоему разрушенному королевству. Но твое тело с этой ночи будет принадлежать мне. И ты это примешь.

Он протянул руку и коснулся моего плеча. Его пальцы были горячими, как клеймо. Я вздрогнула, но не отступила. Я просто стояла, впиваясь ногтями в ладони, и смотрела ему в глаза. Это была моя последняя битва. Я не могла победить, но я могла не сдаться.

Он медленно провел рукой по моему плечу, вниз по руке, к запястью. Его прикосновение было не грубым, но властным, не оставляющим сомнений в его намерениях. А затем он сделал то, чего я не ожидала. Он не сорвал с меня одежду. Он не бросил меня на ложе. Он просто взял мою руку и поднес ее к своим губам, его взгляд не отрывался от моего. Он коснулся губами моих пальцев, и этот интимный, почти нежный жест был страшнее любого насилия. Он показывал, что считает меня своей по праву. Не по праву войны, а по

праву мужчины над женщиной.

- Ты прекрасна в своем гневе, Лилавати. Как дикий цветок, что растет на скалах. Но даже самые гордые цветы склоняются перед солнцем.

Он отпустил мою руку и начал распускать свое сари. Не срывать, а медленно, почти ритуально разматывать полотно, обнажая мое плечо, ключицу. Я стояла как изваяние, парализованная его действиями. Каждое движение было выверенным, каждое прикосновение - осозанным. Он не торопился. Он наслаждался каждым мгновением мое

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.